А. МАЦКИН и А. ШАРОВ

В97 102

Ростовские записи

ОГИЗ • ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ • 1942

А. МАЦКИН и А. ШАРОВ

В97 102

Ростовские записи

ОГИЗ · ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · 1942

7 экз.

Сок

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

747041

I. ВЗЯТИЕ РОСТОВА

1. Первый день

29 ноября 1941 г. в четыре часа дня советские войска освободили город Ростов-на-Дону от немецких оккупантов. Геббельсовское радио попыталось еще раз обмануть общественное мнение, сообщив, что отступление проведено не под ударами Красной Армии, а планово, организованно и главное временно, для расправы с нежелающим смириться населением оккупированных районов. Этой лжи не поверили даже немцы. Она вызвала раздражение в кругах германского командования и насмешки во всем мире. Отступление немцев напоминало скорее паническое бегство. В самом деле, с запада на восток, наступая от реки Самбек до Ростова, части мотомеханизированной группы генерала Клейста проделали этот путь за 45 дней. Чтобы пробежать обратно, им потребовалось всего трое суток.

Иначе говоря, темп советского наступления был в пятнадцать раз стремительнее германского. Только на реке Самбек, использовав господствующие высоты и крутой западный берег, где заранее была построена мощная система оборонительных укреплений, немцы сумели на некоторое время закрепиться.

Победа под Ростовом означала не только успех на одном из участков фронта,—она знаменовала новый этап в истории Великой отечественной войны. Товарищ Сталин высоко оценил ростовскую операцию. В ночь с 29 на 30 по радио

была передана его поздравительная телеграмма. В ней говорилось:

Главнокомандующему Юго-западного направления
маршалу ТОВ. ТИМОШЕНКО.

Командующему Южного фронта,
генерал-полковнику ТОВ. ЧЕРЕВИЧЕНКО.

Поздравляю вас с победой над врагом и освобождением Ростова от немецко-фашистских захватчиков.

Приветствую доблестные войска 9-й и 56-й армий во главе с генералами ХАРИТОНОВЫМ и РЕМИЗОВЫМ, водрузившие над Ростовом наше славное советское знамя.

И. СТАЛИН.

Москва, 29 ноября 1941 года.

Южный фронт становился фронтом наступательным. За ним к широким наступательным операциям перешли и другие фронты. Немецко-фашистские войска потерпели серьезные поражения под Ленинградом, Москвой, в Крыму. Ростов был первым в этой цепи побед Красной Армии.

* * *

Мы вступили в Ростов вечером 29 ноября, в первые часы восстановления советской власти. На окраинах еще шла перестрелка, а над воротами, парадными дверями жители вывешивали красные флажки, с опасностью для жизни сбереженные в дни немецкой оккупации.

Город и дороги к нему воскрешали картину совсем недавно прошедших боев. От Аксая до северных окраин Ростова путь преграждали сожженные, разбитые немецкие танки и автомашины. Дула замолчавших вражеских пушек были направлены на север. Здесь враг еще яростно сопротивлялся.

В одном из окраинных домиков на столе лежало недописанное письмо: «Дорогая Эльза! Нам говорили, что Ростов—путь к победе. Теперь я вижу—эта дорога приведет только к смерти...» Человек не успел окончить письма. Надо было бежать. Именно бежать, а не отступать. На улице Энгельса, на шоссе, ведущем в Таганрог, каждый метр говорил о жестоком разгроме немцев. Стояла машина—вполне исправная, даже ручка была вставлена

в храповик. Надо было только завести. На столах немецких штабов лежали документы—не было времени ни увезти их, ни спрятать, ни сжечь. «Дорога к смерти»—справедливо писал неизвестный немец. По обочинам валялись трупы мертвых солдат, в темноте возникали силуэты танков, автомашин, орудий, брошенных врагом. Около штабов наших полков грудами лежали трофеи—пулеметы, минометы, пистолеты, винтовки. Трудно было даже подсчитать их число. Через несколько дней были подведены некоторые, очень предварительные итоги. Под Ростовом захвачено 118 танков, 210 орудий, 306 пулеметов, 178 минометов, 4 050 винтовок, 871 автомашина и много другого военного имущества.

Через освобожденный Ростов советские войска шли на запад. Был сильный мороз, но люди, не замечая холода, часами стояли у ворот, сияющими глазами провожая проходившие мимо части. Женщины протягивали бойцам бутылки с горячим чаем, пышки, гусиный жир, помогающий при обмораживании, трогательные, домашней вязки, шерстяные носки. На улицах вокруг красноармейцев и командиров собиралась толпа и сами собой возникали летучие митинги.

Поздним вечером, на Буденновском, по середине мостовой, показалась странная фигура. Маленький седой человек с видимым усилием катил перед собой металлическую бочку. Иногда он останавливался, растирал озябшие пальцы, дуя на них, потом снова грудью упирался в тяжелый боченок и катил его дальше.

На углу улицы Энгельса старик неожиданно остановился. Впереди, окруженный толпой ростовчан, двигался военный отряд—один из первых вступивший в Ростов. Красноармейцы устали, шинели их обтрепались, пропитались грязью, но такое счастье излучала толпа, что, позабыв усталость, бойцы подтянулись, выравнялись, как на параде, и шли высоко подняв головы.

Старик подождал, пока отряд поравнялся с ним, и, неожиданно сильным движением выкатив бочку вперед, встал перед отрядом.

Натянув поводья, командир круто остановил коня. Старик раскрыл рот, видимо желая что-то сказать, но пробормотал лишь несколько едва слышных неразборчивых слов.

Отряд стал по команде «смирно». Толпа удивленно молчала, и командир сошел с коня.

В толпе нашлись люди, знавшие этого человека. Они рассказали, что он работает сторожем в пекарне и семь дней бессменно берег боченок с бензином. Когда пришли немецкие фашисты, он им сказал—бензин минирован. Немцы ушли. Может быть это был единственный боченок бензина, сохранившийся в этот момент в городе.

Командир подошел к старику и, обняв крепко, поцеловал.

— Так что отдайте распоряжение принять бочку, чтобы по всей форме,—почему-то очень строго сказал старик.

— Принять бочку!..—крикнул командир.

— Есть!—отозвались из задних рядов.

Несколько рук схватили бочку и откатили ее. Отряд двинулся дальше по улицам Ростова, а сзади, звеня по булыжной мостовой, катилась громыхающая веселая бочка.

С разных сторон в город вошли милиционеры и, как ни в чем не бывало, словно так же было и вчера и позавчера, стали на своих постах. Но о «вчера», о семи днях немецкого господства забыть было невозможно. На Театральной, на улице Энгельса, в разных частях города лежали трупы расстрелянных советских людей. Стену дома водников в каком-то зверином азарте гитлеровцы изрешетили пулями до самой крыши. А у стены, на тротуаре, лежали убитые. Потом мы узнали фамилии этих людей, подсчитали, сколько сотен замучено, искалечено, убито немецкими фашистами. В городе было много разрушений. Сгорел Транспортный институт, здание радиоцентра. Дома стояли с выбитыми стеклами, разграбленные, пустые и холодные. Так выглядел Ростов в часы, когда немцы были изгнаны из города.

2. Бои за Ростов

Ростову немецкое верховное командование придавало большое значение. И в самом деле, через Ростов лежит путь к майкопской нефти, к кубанской пшенице, через Ростов—дорога на Кавказ. Развивая ростовский прорыв, немцы предполагали отделить юг от севера и в течение зимы овладеть богатейшими районами Кавказа. Об этом и в октябре и в ноябре оповещало немецкое радио.

Чтобы лучше уяснить ход военных действий, следует вспомнить обстановку, сложившуюся на этом фронте в первых числах ноября. К этому времени противник, неоднократно пытавшийся прорвать фронт и овладеть Ростовом, перенес свой главный удар севернее. Бронетанковая

группа генерала Клейста, состоявшая из 13, 14, 16-й танковых дивизий и 60-й мотодивизии, 10-й пехотной дивизии, дивизий СС «Викинг» и «Адольф Гитлер», обрушилась на левое крыло Южного фронта. Ценой больших своих потерь немцы прорвали наш фронт и вынудили наши части отойти.

В результате враг вышел на правый фланг нашей 56-й армии. Это изолировало ее от соседа справа и создало непосредственную угрозу вторжению фашистов в Ростов.

Борьба за Ростов приняла чрезвычайно острый характер.

Развивая наступление в трех направлениях, противник вышел 19 ноября к предместьям Ростова. Завязались упорные уличные бои, продолжавшиеся двое суток, а отдельные очаги нашего сопротивления держались и последующие дни.

Потеряв под Ростовом, по самым скромным подсчетам, более 200 танков и до дивизии пехоты, враг занял Ростов и пытался было тут же форсировать Дон, чтобы захватить переправы. Но это ему не удалось.

В официальных документах, приказах германского командования появилось чувство тревоги и неуверенности. В приказе № 166/41 по 60-й мотострелковой дивизии говорится:

«Русские солдаты и молодые командиры очень храбры в бою. Даже отдельная маленькая часть всегда принимает атаку. В связи с этим нельзя допускать человеческого отношения к пленным. Уничтожение противника огнем или холодным оружием должно продолжаться до тех пор, пока противник не станет безопасным. Фанатизм и презрение к смерти делают русских противниками, уничтожение которых обязательно».

Больше крови—вот единственный вывод, сделанный немецкими фашистами из очень серьезных событий ноября. Они стали расстреливать в Таганроге и Мариуполе вместо десятков мирных жителей—сотни, вместо сотен пленных—тысячи. Не помогло!

Формулы немецкой стратегии, созданные на полях Франции, Голландии, Бельгии, Греции, Югославии, хотя и осуществлялись с прежней педантичной аккуратностью, уже не приносили прежних плодов. Прорыв,—но за первой линией обороны вырастала вторая, третья, пока, наконец, не останавливался приспособленный к короткому удару обессилевший немецкий клин. Обход,—но часть Красной Армии, которую как будто удалось обойти, орга-

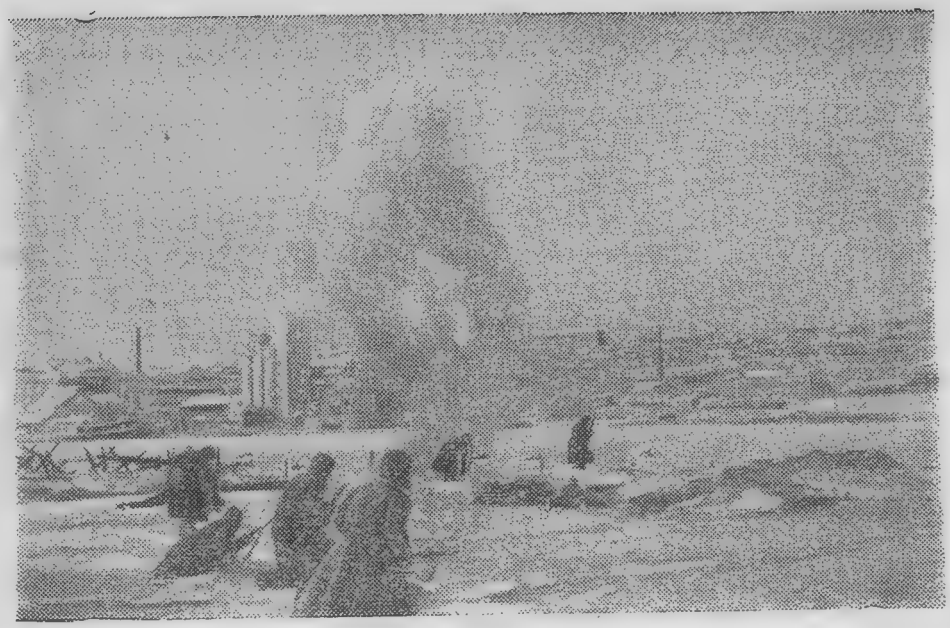
низует круговую оборону и затем с тыла обрушивается на немцев. Кровь,—но на смерть советские люди отвечают грозной, истребительной войной.

Вклинившись в расположение наших частей, немецко-фашистские войска подставили свой фланг и тыл под возможный удар с севера, со стороны левого крыла Южного фронта. Эта неблагоприятная для врага обстановка была использована нашими войсками. С утра 16 ноября части Южного фронта, уничтожив прикрытие немцев, создали угрозу тылу всей группировки Клейста. 27 ноября войска Южного фронта под руководством маршала Советского Союза т. Тимошенко переходят в контрнаступление. С трех сторон обрушивается гроза на засевших в Ростове немцев. Части 37-й армии—в направлении на западную окраину Ростова, части 9-й армии—на северо-восточную, 56-я армия атакует из-за Дона.

Начинаются жестокие, упорные бои. Первым в Ростов врывается Н-ский полк. На Театральной площади завязывается горячее уличное сражение. Заместитель политрука Кожевако и лейтенант Алексеев с группой бойцов очутились в Ростове еще тогда, когда город находился в руках немцев. По существу они попали в окружение. Но это слово давно уже перестало пугать советских людей. Отряд засел в одном из зданий и, открыв со второго этажа ураганный огонь по гитлеровцам, продержался до прибытия подкреплений.

Все больше брешей образовывалось в боевых порядках немцев. Кавалеристы части Кириченко стремительным рейдом, перерезав территорию, еще занятую противником, неожиданно ворвались в Ростов. Другая конная часть—кубанские казаки под командой т. Куц зашли во фланг немцам, проделав сложный и трудный марш по плавням. Погода не благоприятствовала операции. С моря подул ветер, вода в плавнях поднялась, взрывая лед на замерзших ериках. Ни пройти, ни проехать в такую погоду по приазовским плавням. На помощь кавалеристам пришли партизаны-рыбаки, прекрасно знающие здешние места. Партизаны шли впереди регулярных частей. Работая по горло в воде, без отдыха, они намораживали ледяные мосты, строили переправу.

Удачные действия частей 37-й и 9-й армий позволили 56-й армии нанести удар с юга. Тонкий лед на реках не давал возможности переправить танки и орудия. Итти приходилось по голой, открытой степи, по льду



Подразделение старшего лейтенанта Галушко форсирует реку Дон перед взятием Ростова

реки, под жестоким обстрелом противника. Ночью по льду Дона поползли кубанские казаки. В десяти шагах не услышите, что ползет казак. Иногда лед подламывался, и человек без крика уходил под лед. Без крика! Так договорились казаки. От этого зависела жизнь товарищей, исход боя. Всплеснет вода, и снова все тихо. Дон был форсирован. Вместе с регулярными частями мужественно действовал полк народного ополчения—вооруженные рабочие и служащие города.

Напряженные бои шли до рассвета 29 ноября. Ночными атаками немцы были выбиты из пригородных населенных пунктов и отошли на юго-западный берег реки Тузлова.

Опираясь здесь на подготовленный рубеж, две фашистские дивизии пытались задержать наше продвижение. Но попытки фашистов не имели успеха. К этому времени части генерала Лопатина, форсировав реку, стали подходить все ближе к морю, угрожая полным окружением группе Клейста. Это именно и решило успех всей ростовской операции.

Сокрушительными ударами Красной Армии фашистские захватчики в ночь с 28 на 29 ноября были выбиты и из Ростова. В боях за Ростов были уничтожены лучшие полки

и дивизии немцев. Остатки группы Клейста обратились в беспорядочное бегство. Части Красной Армии гнали их безостановочно до Таганрога. Одновременно на правом фланге нашего Южного фронта было не только остановлено наступление группы Шведлера, но ей был нанесен чувствительный удар.

В итоге этих боев были разгромлены 14-я и 16-я танковые дивизии противника, его 60-я мотодивизия и дивизия СС «Викинг». Кроме того, нанесено было жестокое поражение 13-й танковой дивизии, дивизии СС «Адольф Гитлер», а также 76, 94 и 97-й пехотным дивизиям группы Шведлера.

Кровавые следы оставили немецко-фашистские войска после семидневного пребывания в городе. Эти семь дней наполнены страшными событиями.

II. СЕМЬ ДНЕЙ

1. Кровавая неделя

У большого четырехэтажного здания школы, прямо на тротуаре лежат трупы. Сколько их здесь? Дворник из соседнего дома говорит: «Я думаю, не меньше ста. Только наших тут человек двадцать, а сюда таскали со всего квартала!»

Трупы свалены в кучу, тела громоздятся на тела. У самой стенки их так много, что они наполовину закрывают окна первого этажа. Очень холодно. Третий день стоят двадцатиградусные морозы, и мертвецы так плотно примерзли друг к другу, что нескольким красноармейцам и двум командирам с большим трудом удается растащить их по сторонам. Через полчаса мертвецы лежат поодиночке, во всю ширину тротуара—голые, полуодетые, в зимних пальто. Все с обнаженными головами, только одна молодая женщина в сползшей на лоб черной фетровой шляпке.

Мы идем вдоль тротуара. Кто же они такие, почему их убили, почему так надругались над их телами?

Все они—рабочие и интеллигенты, молодые и старые, женщины и подростки—простые советские люди,—вот за это их и убили.

У самого края тротуара лежит старик, шестидесятилетний, крупный, седой человек, с густыми заиндевевшими

бровями. На крутом морщинистом лбу—желтое кровавое пятно. В этого человека стреляли в упор, целились прямо в голову. Мы склоняемся над его трупом, шарим в карманах его пальто и пиджака, рука уходит вглубь, все карманы срезаны. Из-под подкладки пиджака кто-то извлекает маленькую серую гребенку. Это все, что осталось у старика.

Рядом со стариком лежит вихрастый, веснущатый, рыжий мальчик в рубашке и ватнике. Живот его разворочен, кровь залила внутренности, кровь, смешанная с землей.

Третий в ряду—голый, жестоко изувеченный человек. Часть черепа снесена, голова как бы разрублена пополам. На половине уцелевшего подбородка—черная, густая, уже седеющая борода.

Четвертая—маленькая, изможденная женщина в теплом платке, как будто замерзшая здесь, на тротуаре большой ростовской улицы. На суконном пальто—дыра, след разрывной пули.

Пятая—опять женщина с разбитым, проломленным черепом. Окровавленная зияющая впадина рта. Все передние зубы выбиты, и без всякой медицинской экспертизы видно, что она умирала в страшных муках, что ее долго истязали и что смерть наступила от удара тупым орудием.

Шестой, седьмой, восьмой... в этом ряду двадцать трупов; уже выложено три таких ряда. У стены дома наши бойцы продолжают разбирать трупы. Их там еще много! Искромсанные, изрешеченные, обуглившиеся, окоченевшие, с почерневшими лицами, со вздутыми животами, безногие, безрукие, кровавые обрубки тел.

Кругом собираются люди. На дальних улицах еще слышны выстрелы. Но все уже знают, что немцы бегут к Таганрогу. Появляются первые прохожие. Девушка с двумя пустыми ведрами идет к Дону, в соседнем переулке трое мальчишек спускаются с обледенелой горки. Пожилая женщина-врач в белом халате, под которым видно зимнее пальто, торопится в единственную уцелевшую в городе больницу.

У кладбища уже большая толпа, только что прибывшая милиция, красноармейцы из проходящих частей, подоспевшие кинооператоры. Жители выползают из укрытий и убежищ. Толпа густеет. Пока еще никто не решается подойти ближе к трупам, люди стоят на мостовой, смотрят издали.

Очень тихо. Из толпы выходят две старые, неслышно плачущие женщины. Они идут в самый центр кладбища и грузно, тяжело, без крика падают на землю. Мария Хачатуровна Бандурова с 40-й линии находит труп своего мужа Степана Салаконовича Бандурова. Александра Степановна Титрова, тоже с 40-й линии, опознает своего внука.

Теперь уже все бросились к трупам. Матери узнают сыновей, жены припадают к телам мужей. Десятилетняя девочка находит мать. Ту самую женщину, которой проломили череп. Девочка хочет поцеловать мать в губы. Вместо рта у матери кровавая затекшая рана. Девочка кричит.

Каждую минуту кто-нибудь узнает своих близких.

— Это не он, не он!—кричит молодая женщина у трупа своего отца. У отца отрезали уши и вообще он так обезображен, что дочь узнает его только по пальто и сапогам.

Рядом с последними мертвецами мы находим плакат. На большом белом листе бумаги написано: «Это не русские, это партизаны».

В толпе замечают фашистский плакат. Сразу смолкает плач, люди отходят от трупов близких и тут же, среди растерзанных тел, в самом центре кладбища, на асфальте, сам собой возникает первый ростовский митинг. Никому неизвестная женщина, мы не успеваем записать ее фамилию, берет плакат, складывает его вдвое, потом вчетверо, рвет его на мелкие куски, рвет в клочья и рассказывает всем нам о кровавых днях оккупации Ростова.

...На улицах стреляли уже пятые сутки. Жители спрятались в подвалах. Ворота дома № 4 на Советской улице были заперты. Гитлеровцы стучали, били прикладами, ворота выдержали их натиск. Тогда фельдфебель бросил зажигательную бомбу. Начался пожар. Едва жители дома выбегали со двора, их хватали и вели на расстрел.

Клавдия Романовна Омельченко выбежала из дому вместе со всей своей семьей—сыном, девочкой двух лет и старухой матерью. На бегу Клавдия Омельченко споткнулась и упала. Ребенка подхватил старший сын—тринадцатилетний мальчик. Немецкие фашисты начали стрелять по бегущим, ранили мальчика, затащили его в соседний двор и там растерзали.

На шестой день пребывания немцев у двадцатилетней Евгении Березкиной начались преждевременные роды. Березкина жила одна, мужа ее в самом начале войны призвали в армию. Она собиралась переехать к знакомым, но все откладывала.

Похороны жителей города Ростова-на-Дону, убитых и замученных немецкими оккупантами

В шесть часов вечера 27 ноября Березкина почувствовала сильные боли, она разделась и легла в постель. С каждой минутой боли становились все мучительнее. Начинались родовые схватки—молодая женщина бросилась на улицу. Было уже совсем темно. Два квартала ей удалось пробежать незамеченной. В третьем квартале, у самого родильного дома, ее остановил немецкий патруль. Часовой подбежал к женщине, что-то громко крикнул и выстрелил в упор. Березкина умерла тут же, через несколько секунд.

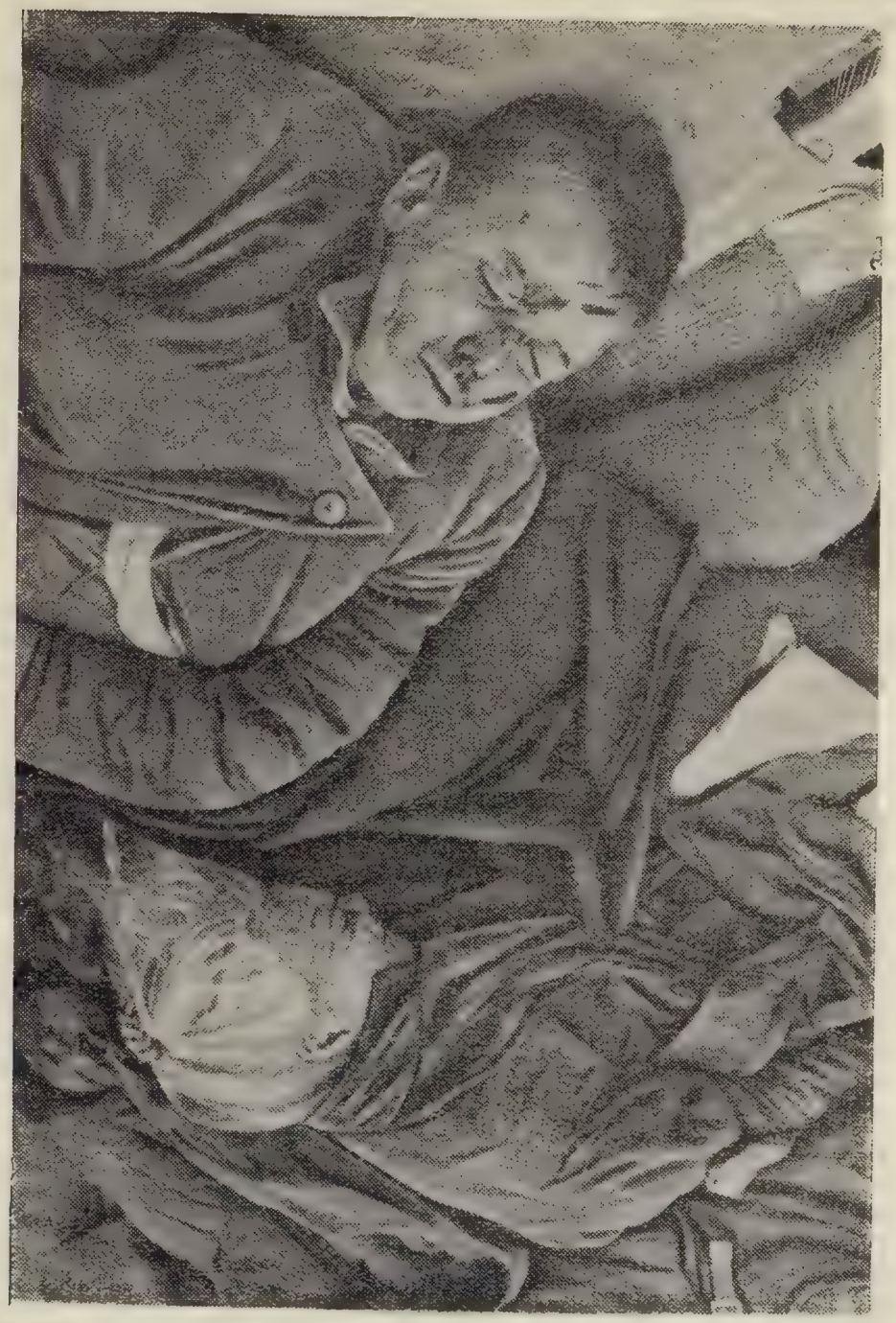
Немецкие фашисты, захватившие Ростов, убивали людей с нескрываемым спортивным увлечением. В их палачестве был даже известный элемент азарта. «Один русский упал с автомобиля. Я тотчас же подбежал и каблуками так обработал ему череп, что он сразу перестал дышать»,— писал своей матери солдат Эрих Шуте (29707/ф) из Ростова. Немецкие фашисты убивали беременных женщин и детей с веселой усмешкой, ради забавы. Они заводили патефон и под звуки шопеновского марша ставили свои жертвы к стенке и стреляли по ним из автоматов.

Но стреляя в стариков и детей, они не просто заполняли свой досуг. При тщательном изучении документов о не-

мецких злодеяниях в Ростове можно установить, что все свои преступления солдаты и офицеры совершали обдуманно, что в их поведении не было ничего неожиданного. Опьянение кровью, садистский инстинкт, вкус к насилию— в конце концов только побочные мотивы этих преступлений. Гитлеровцы убивают «с открытыми глазами», как правильно сказал американский писатель Драйзер. Они уничтожают людей с педантичной обстоятельностью, словно уверенные в своем ремесле работники. Их палачество—это и убеждение, и призвание, и профессия. Враги разума и человека, они с особой злобой преследуют всякое естественное и независимое проявление жизни, будь то плач ребенка, смех девушки. Достаточно им было увидеть в ростовском саду им. Фрунзе спокойно резвящегося мальчика с голубем в руках, чтобы пристрелить его из нагана.

Воинские уставы и фашистская мораль узаконили звериный инстинкт немецкого солдата и ввели даже известное единообразие в технику истребления мирных людей. Перед нами лежат десятки и сотни актов, подробно описывающих зверства в Ростове. Достаточно сопоставить хотя бы часть документов, чтобы понять—немецкие солдаты убивают ни в чем неповинных мирных жителей в соответствии если не со специальными инструкциями, то по установившемуся и безусловно одобренному военным командованием обычаю. Они входят в дом и говорят при этом одни и те же слова... Потом они приступают к обыскам, приемы которых у них тоже почти всегда одинаковы. Они сгоняют всех жителей в одну комнату и заставляют их сбиваться в угол или укладывают их вповалку. Во время обыска они отделяют мужчин от женщин и детей, и если не убивают тут же, на месте, то произносят совершенно обязательную фразу: «Немецкое командование считает необходимым использовать ваших мужчин для особых целей». О каких целях идет речь, вдовы и сироты узна́ют через день или два, увидев своих отцов, мужей и братьев на какой-нибудь ближайшей площади убитыми.

В три часа 26 ноября в квартиру рабочего Ростсельмаша Ивана Ивановича Савченко на второй Мурлычевской, 44, пришли семь гитлеровцев. Они спросили, не оставили ли здесь русские оружия, и, не дожидаясь ответа, приступили к обыску. Всех жильцов квартиры согнали в угол. Осмотрели шкафы, перебрали постель, выпустили пух из перин и, прервав обыск на половине, предложили Савченко отправиться вместе с ними. Жена Савченко, Евдокия Дми-



Немецкие фашисты убили 15-летнего мальчика в тот момент, когда он пускал своих голубей. Старую 70-летнюю женщину они убили за то, что она поцеловала расстрелянного гитлеровцами красноармейца

триевна, начала плакать. У Савченко пятеро детей, старшему семь лет. Дети, увидев плачущую мать, подняли крик. Немецкий ефрейтор скомандовал «смирно» и заявил, что «арестованный нужен для особых целей». На утро Евдокия Савченко нашла труп своего мужа.

В тот же день в квартиру братьев Тысленко на 38-й линии, дом № 43, пришли девять гитлеровцев. Все события в этой квартире развивались с такой же последовательностью: изоляция жителей, обыск, изъятие вещей, арест мужчин. Трех братьев Тысленко немецкие фашисты увели с собой. В тот же вечер двое из них были расстреляны. Третьему, Ивану, чудом удалось спастись. Гитлеровцы расстреливали сразу большую группу ростовчан. В момент, когда раздался выстрел, Иван Тысленко упал. Пуля пролетела мимо. Иван пролежал несколько часов среди трупов, он слышал предсмертные стоны своих братьев. Их сразу не убили и добивали потом поодиночке. Когда гитлеровцы ушли, Иван выждал некоторое время и к утру добрался домой.

В течение дня и вечера 26 ноября немецкие захватчики совершили по крайней мере сто таких налетов на квартиры.

Девять лет Гитлер внушал своим людям, что убийство есть долг «марширующего немца», что солдату «нечего церемониться со шкурой ближнего», что война—это «игра на поголовное истребление», когда совесть становится «дурным воспоминанием прошлого». Фашизм сделал все, чтобы разжечь темные, низменные инстинкты своих солдат. Мародерство, убийства, насилия немецких солдат всячески поощрялись. Вот они, «высокие идеи» немецко-фашистской армии.

Немецкие солдаты хорошо усвоили законы Гитлера. По правилам «игры на истребление» они замучили в Ростове сотни людей. Эти правила устанавливали для них норму поведения только до известной поры. Каждый из них мог пойти дальше и убивать так, как ему нравится и как ему кажется интереснее.

Во дворе типографии на Советской улице гитлеровцы заметили двух семидесятилетних стариков. Рабочие типографии, они уже много лет жили в этом дворе. Фашисты выломали двери, схватили стариков и поволокли их к месту расстрела. Перед казнью они сняли с них теплые вещи и полураздетых, в одном белье, заставили долго бить поклоны. Полчаса издевались гитлеровцы над стариками, прежде чем дали по ним очередь из автомата.

Мы видели обезображенные трупы этих людей. Лица их были изрешечены пулями, одежда висела клочьями, собаки грызли их тела.

В поселке Ясная Поляна, в доме № 15, на Первой улице, в квартире шестидесятилетнего старика Булавина находился немецкий штаб. Четыре немецких офицера несколько дней жили в доме Булавина. При бегстве из Ростова офицеры со смехом и шутками расстреляли старика разрывными пулями. Старший офицер, убивая Булавина, насвистывал веселую песенку. Денщики этих офицеров жили неподалеку, в квартире Александры Дмитриевны Болдугановой (Первая улица, 31). В то время как офицеры убивали старика Булавина, солдаты открыли стрельбу по тринадцатилетнему мальчику Васе Болдуганову. Разрывные пули попали в обе ноги мальчика.

Восемьдесят семь граждан Пролетарского района свидетельствуют, что вечером 26 ноября, перед расстрелом Пеклеванова (36-я линия, 38) немецкий ефрейтор отрезал ему ухо. В погребе дома № 38 на Мурлычевской улице гитлеровцы били прикладами по головам старух и детей. Они бросали гранаты в квартиры и жгли папиросами глаза. Они требовали золота, и когда им отказывали, они выбивали изо рта золотые зубы.

Вскоре после освобождения Ростова органы милиции составили справку о гражданах города, замученных немецкими оккупантами. Вот эта справка:

СВЕДЕНИЯ

о зверски убитых гражданах города Ростова

На территории	первого	отделения	милиции	—	63 человека
» »	второго	»	»	—	53 »
» »	третьего	»	»	—	еще не учтено
» »	четвертого	»	»	—	11 человек
» »	пятого	»	»	—	еще не учтено
» »	шестого	»	»	—	225 человек
» »	седьмого	»	»	—	47 »
» »	восьмого	»	»	—	еще не учтено
» »	девятого	»	»	—	270 человек
	Всего				669 человек

Это только самые первоначальные сведения. Каждый день вносит поправку в кровавый итог. Трупы обнаруживаются при ремонте канализации, подо льдом рек, в оврагах вблизи города, в выгребных ямах, в заброшенных зданиях, на пустырях.

Страшное горе постигло большой полумиллионный город. С телеграфных столбов снимали трупы повешенных. По заснеженным улицам бродили семьи бездомных. Безутешные матери находили трупы своих детей. Наталье Епифановне Ткаченко удалось отыскать трупы своих близких. Вечером мы пришли к ней на квартиру на 40-й линии (дом № 64б—47), и она вручила нам очень аккуратно переписанное письмо, текст которого мы приводим полностью:

«Дорогие товарищи! Я должна вам рассказать о своем несчастье. 26 ноября ворвались во двор немецкие убийцы. Они зашли в нашу квартиру и забрали мужа. К этому времени сын мой Ткаченко Петр Иванович вернулся домой. Немцы его тоже повели. Сын попросил пальто, я вынесла пальто мужу и сыну: немцы не разрешили брать, угрожая винтовкой. Меня к ним не допустили и увели раздетых. Ночь я провела без сна. На утро я вышла из калитки, а мне говорят, что муж и сын мой убиты и лежат на углу. Убийцы не разрешили брать трупы. Отец с сыном лежали до 29 ноября, когда пришла Красная Армия. Тогда мы взяли трупы, над которыми убийцы издевались, не считаясь, что муж старик, что сын ребенок. Я мать убитого бандитами ребенка, цветка моей жизни, и мужа, никогда не смогу забыть убийц из гитлеровской шайки. Мужу моему было 54 года, он был рабочим в артели имени Первого Мая.

Наталья Епифановна Ткаченко».

Когда Ростов был освобожден, перед всем миром открылась картина жестокой и бессмысленной расправы над мирным населением. Семидесятилетние старики из типографии на Советской улице, беременная женщина, бегущая в родильный дом, мальчик, спасающий из огня сестренку,—вот с кем расправлялась немецко-фашистская армия.

И эти люди были убиты на пятый, шестой день оккупации, когда Ростов никак нельзя было назвать полем сражения. Несомненно, как и все города, захваченные немцами, Ростов сопротивлялся. Он не мог принять немецкого порядка, порядка виселиц и крови. Но гитлеровцы стали расстреливать еще до того, как местное население создало самооборону. С первых часов, с первых минут пребывания в городе и до последней минуты свирепствовал сплошной террор. 22 ноября немцы зашли в город,

Гитлеровцы расстреливали на улицах города Ростова-на-Дону мирных советских жителей

и в тот же день на заснеженных деревьях появились повешенные, у стен зданий—расстрелянные.

Немецкие фашисты убивали не только тех, кто с оружием в руках защищал свою свободу, а первых попавшихся, случайных прохожих. Когда готовился расстрел на Советской улице, немецкий офицер решил уничтожить ровно пятьдесят человек. Захваченных на месте жильцов было меньше, и тогда по приказу офицера стали хватать всех проходящих, чтобы соблюсти эту математику палача. Убитых оказалось потом гораздо больше чем 50.

В дни, когда немецкие фашисты находились в Ростове, газеты опубликовали ноту т. Молотова о расстрелах и издевательствах над пленными красноармейцами. Опровергая этот документ, гитлеровцы поспешили заявить, что советским военнопленным живется у них припеваючи, сытно и спокойно. Министерство пропаганды даже передавало по радио выступления подставных лиц, которые, старательно скрывая акцент, аккуратными фразами из русско-

немецкого разговорника, заявляли, что дни пребывания в немецком плену—самые счастливые в их жизни.

Зверские убийства советских военнопленных немецкими фашистами в Ростове еще раз опровергли эту неумную ложь. 27 ноября, в 13 часов 30 минут, конвой немецких солдат привел на Нахичеванский бульвар 17 красноармейцев и расставил их в две шеренги на тротуаре, вдоль ограды парка имени Фрунзе. Конвой начал расстреливать пленных из автоматов. Красноармейцы были спокойны и стойки. Когда расстрел закончился, четыре фашиста из конвоя подошли к решетке парка и стали добивать тех, кто остался живым. После этого через трупы медленно проехал мотоцикл. 28 ноября на том же месте тот же немецкий конвой расстрелял еще шестерых красноармейцев.

Вблизи Ростова отступающие немецкие солдаты замучили 30 пленных и раненых красноармейцев. Ниже мы приводим документ, рассказывающий об этой расправе:

«А к т

По уполномочию бойцов и командиров 70-й кавалерийской дивизии мы составили настоящий акт в том, что в селе Лининовая обнаружили у скирд на северной окраине 30 трупов красноармейцев, находившихся в плену фашистско-немецких войск и зверски расстрелянных 27 ноября отступающими гитлеровскими войсками.

Кроме того, у места расстрела были обнаружены два тяжело раненных красноармейца, спасшихся после отхода фашистов. Раненые сообщили, что вся группа была взята в плен в боях под Ростовом и использовалась на работах по обслуживанию фашистской части. Пищи не получали совершенно. Все время пребывания в плену пленные содержались под открытым небом. В чем и составлен настоящий акт.

Подписи: *Рудич, Долгов, Левченко, Чуприна, Костенко, Петраков, Синельников и другие*».

Семь дней пребывания немецких захватчиков в Ростове—семь дней слез, стонов и пыток. В большом полумиллионном городе нет ни одной улицы, где не лилась бы кровь, нет ни одного дома, которого не коснулось бы дыхание смерти.

Трупы жителей Ростова-на-Дону, расстрелянных немецкими фашистами во дворе детдома на 36-й линии Пролетарского района

2. «Немецкий порядок»

Немецко-фашистские войска, захватив Ростов, объявили город со всем его населением и имуществом военной добычей. Человек объявлялся просто живым инвентарем, а все его имущество—инвентарем мертвым, находящимся в полном распоряжении германской армии.

В городе установился абсолютный произвол. Гитлеровцы называли его «новым порядком». В основе этого «немецкого порядка» лежал очень не новый принцип—захваченная территория содержит армию. Обер-шарфюрер Кацер (почтовый знак 29707-ф) пишет Иосифу Кацеру (Пукмантель № 216, юг Германии):

«Мы расположились в Ростове, большом индустриальном городе на Дону. Добыли свинью в два центнера весом и зарезали ее. Мы все очень сожалеем, что, очевидно, будем проводить рождество не дома, а в Ростове. Надеюсь еще добыть свинью, и тогда мы напечем пирогов и хорошо отпразднуем сочельник».

Такое добывание продовольствия являлось основой снабжения немецкой армии. Захваченный в плен чиновник

Фриц Гунгер на допросе показывал: «На Украине и на Дону мы получили указания значительно снизить пищевой рацион солдат, особенно в отношении жиров и белков (мясо), так как общение (?!) с населением давало возможность обеспечить нормальную калорийность питания нашего солдата».

Как и в других городах, в Ростове подобное «общение» с населением началось через полчаса после захвата города. Гитлеровцы рассыпались по всему Ростову и стали аккуратно изымать фонды каждого квартала. Сперва обирались магазины, потом переходили к ограблению квартир и отдельных прохожих. В городе оставался всего двухдневный запас хлеба, довольно мало продовольствия и товаров,—все наиболее ценное было давно уже вывезено. Но гитлеровцы с жадностью набрасывались буквально на все: на прогорклое масло, забракованное санитарным контролем, на громоздкие чернильные приборы, десятилетиями лежавшие в самом дальнем углу складов канцелярских принадлежностей; скисшее вино, которое предназначалось для переработки на уксус, сходило за донское игристое.

Вот несколько характерных случаев ограблений ростовских магазинов.

Ограбление № 1

Немецкие фашисты подошли к магазину «Гастроном» на площади имени Карла Маркса, и один из солдат прикладом выбил стекло витрины. Затем был задержан проходивший мимо мальчик, которого заставили влезть в магазин. Фашисты проверяли, не минированы ли полки. После этого они всей гурьбой вошли в магазин. Там было почти пусто. Только в углу удалось обнаружить запасы табака. И тут, забыв о всяких предосторожностях, гитлеровцы подбежали к полкам и стали рвать пачки с табаком друг у друга из рук.

Ограбление № 2

Совершенно так же подошли к магазину галантереи, так же выбили стекло витрины, так же задержали мальчика и послали его на разведку. Нашли они тут пуговицы для кальсон, карандаши для бровей, воротнички, тесьму для трусов, детские портфели, дамские сумочки и много галстуков. Добыча была аккуратно погружена на стоящий рядом грузовик и увезена.

Видимо, гитлеровцы не сразу поняли, что это игрушечный магазин, и действовали с той же торопливой, но аккуратной и строгой последовательностью: витрина, мальчик, поиски добычи и дележ ее. В магазине было полутемно, в углу стояла очень испуганная женщина-сторожиха.

— Где товары?—обратились они к ней.

Сторожиха указала на полки. Гитлеровцы бросились к полкам и стали скидывать деревянных коней, пионерские барабаны, плюшевых мишек, куклы. Они работали все быстрее и раздраженнее, издавая невнятные, сердитые восклицания. Опустошив все полки, они стали топтать и рвать игрушки. Сторожиха стояла в углу и плакала. Она испугалась, и ей непонятно было это стремление к уничтожению.

Сотни других ограблений в точности напоминают предыдущие три случая.

Пока солдаты и офицеры грабили магазины, на улицах появился первый приказ немецкого командования. Сообщалось, что отныне власть принадлежит немецким оккупантам и с большевизмом покончено навсегда. Затем последовала целая серия распоряжений, устанавливающих режим городской жизни. Как во всех городах, гитлеровцы требовали сдачи оружия и немедленной выдачи всех красноармейцев и партизан.

Специальный приказ устанавливал правовое положение евреев. Им предлагалось немедленно явиться для регистрации, носить повязки с установленным немецкими фашистами «сионским знаком» и вывесить эти «сионские знаки» на квартирах, где живут евреи, в учреждениях и предприятиях, где они работают. Кстати, приказов этих в Ростове почти не осталось, так как местное население уничтожало их, срывало со стен.

Приказы немецкой администрации и деятельность немецких комендатур, приступивших к учету населения, явились своеобразной подготовкой к массовому, повальному грабежу населения.

Такой грабеж начался примерно на вторые-третьи сутки. Очень часто гитлеровцы совершали обход квартир по заранее составленным спискам. Грабежи (они называли их обысками) коснулись решительно всех слоев населения.

Обыск № 1

Квартира известного врача тов. М. В двери постучали. Когда жена доктора отворила, вошло несколько гитлеровцев. Один из них молча вытащил список и, сделав карандашом какую-то отметку, коротко спросил:

— Квартира доктора М.?

— Да.

— Нам нужен только сахар. Согласно приказу командования выдайте имеющиеся запасы.

Женщина взяла из буфета сахарницу и подала ее. Гитлеровец высыпал сахар на бумагу, аккуратно завернул сверток, после чего спрятал сахарницу в карман.

— Теперь мы осмотрим квартиру,—сказал он.

В кабинете фашисты остановились около гарнитура кожаной мебели старинной работы.

— Госпожа,—сказал переводчик,—поскольку сахара больше нет, мы вывезем мебель.

Когда гитлеровцы ушли, в квартире не стало кроме кабинетного гарнитура еще и белья, чемоданов, бутылки с подсолнечным маслом.

На прощанье они сказали:

— Мы еще вернемся, и если вы что-либо утаили,—расстреляем.

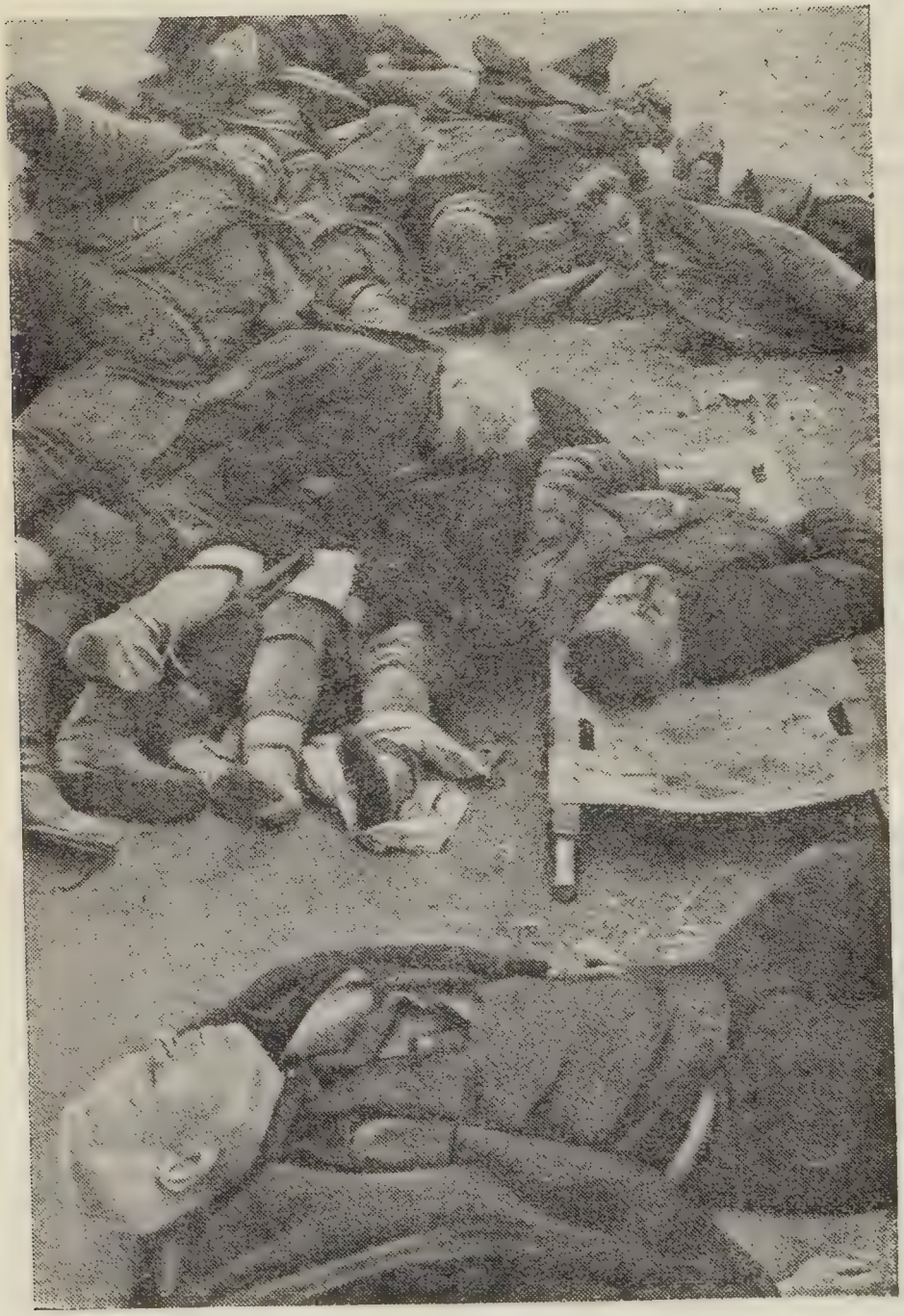
Обыск № 2

Квартира ростовского адвоката тов. Л.

Немецкий художник Ганс Грюнвальд писал некой фрейлейн Ильзе:

«Судьба закинула меня в большой русский город у Азовского моря. Я познакомился с несколькими местными жителями. Был на квартире у одного адвоката. Его костюм точно сшит на мой рост и сделан из хорошего английского сукна. Как жаль, что ты меня не увидишь в этом костюме,—говорят, он очень идет мне. Ребята здорово обчистили эту квартиру. Я нашел там комплект журнала «Искусство», очень старые номера. Я листал этот журнал и думал, смогу ли я после войны заниматься живописью. Ты знаешь, с каким удовольствием я рисовал ландшафты. Нет! Когда кончится война, я не вернусь к своей старой профессии,—ведь каждый из нас будет иметь возможность продвинуться дальше».

Из двух профессий—художника и мародера—Ганс Грюнвальд не задумываясь выбирал вторую.



Кровью советских людей залили Ростов-на-Дону фашистско-немецкие изверги

Обыск № 3

Квартира гражданки Ц. по Лензаводской улице. Несколько гитлеровцев зашли в квартиру. Они были вооружены пистолетами и автоматами. В квартире было много женщин. Гитлеровцы опрашивали каждую, сколько ей лет, и ответы записывали. После этого они вывели сестру хозяйки Марию Ц. 23 лет и поднялись на третий этаж в квартиру Марии. Мать и соседки со слезами на глазах просили гитлеровцев не трогать молодую девушку. Но те заперли ее и по очереди изнасиловали. Вслед за тем они еще изнасиловали старшую сестру на глазах ее плачущих детей.

Даже в тех случаях, когда немецкие фашисты при обысках не убивали, а ограничивались лишь изъятием вещей, они предупреждали: «Мы вернемся и расстреляем». Эти слова произносились самым спокойным и деловым тоном. Их одинаково правильно выговаривали все—и офицеры, знавшие русский язык, и солдаты, затвердившие только одну эту угрозу. Город выглядел опустошенным, покинутым, совсем не похожим на прежний, многолюдный, оживленный центр Северного Кавказа.

Между Аксаем и Ростовом у разбитого танка лежал труп замерзшего солдата Фрица Гауфмана. В кармане его мы нашли письмо:

«Я думал, в Ростове тепло. Ничего подобного. Это какой-то странный юг. Говорят, здесь поблизости растут мандарины, где-то неподалеку находятся горячие целебные источники, а здесь мерзлая земля и ветер, сжигающий лицо. Чорт знает, как далеко мы забрались. Ростов—самый большой город на моем пути. Но можно ли его назвать городом, если тут такой зловещий беспорядок. Ни уличной толпы, ни одного ресторана, ни дансинга. Гостиницы разрушены, магазины темные и пустые. Я целый день разыскивал парикмахерскую, и так ее и не нашел. В детстве я видел кинокартины: в каком-нибудь далеком азиатском городе—эпидемия холеры, все население убежало, остались только непогребенные мертвецы и бедная утварь лачуг. Теперь представьте себе не маленькую деревушку где-нибудь в Индии, а современный европейский город, покинутый своими обитателями. И что самое отвратительное,—за пустыми окнами зданий, сколько бы их ни обшаривали, ни обыскивали, идет какая-то тайная жизнь, что-то шевелится, копошится, ерзает. Так что могут быть

всякие неожиданности. Я очень люблю городскую жизнь, но если города выглядят такими зачумленными, лучше жить где-нибудь в самой худой деревушке. Говорят, что захват Ростова важен для нашей борьбы. Пожалуй, так оно и есть. Но мы, солдаты, не вкусили ростовских благ. Это холодный и непривлекательный юг».

«Зловещий беспорядок». По улицам, пригнув головы, быстро проходили редкие жители. Гитлеровцы останавливали их, смотрели на ноги, хороши ли сапоги, на руки—нельзя ли украсть часы, снимали теплые шапки. Немецкая армия входила в Ростов еще в форме и в относительном порядке. Но затем отчетливо появились признаки явной военной деградации. Система грабежа разъедала самую породившую ее немецко-фашистскую военную машину. На улице можно было увидеть солдата или офицера в странного вида гражданской теплой шапке, закутанного в манто. Армия еще не отступала, а вид некоторых частей ее уже разительным образом начинал напоминать наполеоновские войска, когда они уходили из разграбленной, сожженной Москвы.

И в письмах все явственнее чувствовалась неуверенность в завтрашнем дне. В армии, воспитанной на идеях наступления, зарождалась мысль о возможном отступлении, о поражении.

3. Город не сдается

В зале Октябрьского райкома партии лежали трупы гитлеровцев. Снаряд попал точно: пробил стену и уничтожил офицеров, собравшихся на банкет. На столе мы увидели каким-то чудом уцелевшую запыленную бутылку вина—свидетеля невеселой пирушки. Ни минуты покоя не давала немцам артиллерия. На Ростов-Горе, в школе № 66, поселились автоматчики. Грянул артиллерийский залп, и в школе не осталось ни одного живого человека.

Гитлеровцы попробовали найти опору среди местного населения. К ним на службу пошли уголовник Минас Агопов, врангелевец Август Вишневский, дважды сидевший в тюрьме Абрам Зухович и еще несколько подлецов с длинным воровским или бандитским прошлым. Вне тюремного мира найти пособников не удавалось.

Население боролось с оккупантами. Комсомолка Клавдия Мирошниченко, телефонистка ростовского железнодорожного узла, приняла дежурство 20 ноября, в час дня.

Вместе с ней работали телефонистки Белова, Шатилова, Глущенко, механики Савина и Цыганов. День был очень тревожный. С каждой минутой приближалась перестрелка. Бой шел совсем рядом. К четырем часам дня стало известно, что немцы уже на ростовском вокзале и в любую минуту могут ворваться в помещения узла связи. Телефонистки решили остаться на своем посту, поддерживая связь воинских частей с Батайском, что было очень важно.

Только ночью Мирошниченко, получив приказ, покинула станцию и, перебравшись через Дон, попала в Батайск, к своим.

В день, когда в Ростов вошли немецко-фашистские войска, комсомолка Лина Угненко была дома. К полудню перестрелка немного затихла, и Лина вместе с Верой Никитиной и Марией Кебруннер вышла из дому. Они узнали, что на железнодорожных путях остался вагон, где лежат раненые красноармейцы. Девушки решили спасти их. Высокая каменная стена преграждала путь к железной дороге. Позвали на помощь, и за несколько минут стена была пробита. Раненых вытаскивали из вагонов и разносили по домам. Заметив движение на путях, немцы открыли сильный огонь. Вера Никитина несла раненого. Она упала, сраженная тремя разрывными пулями. Через восемь дней смелая девушка умерла.

Семь суток Лина Угненко и Мария Кебруннер прятали от немцев раненых, которых они спасли, и ухаживали за ними, делали перевязки, готовили пищу.

В день вступления советских войск в Каменоломнях и в других районах мы видели, как женщины провожали сбереженных ими раненых красноармейцев. Подъезжала санитарная машина, раненого укладывали в нее, увозили, и женщины еще долго стояли на мостовой, глядя вслед.

В день захвата немецко-фашистскими войсками Ростова командир взвода лейтенант Козлов занимал оборону у высоты Безымянной, на окраине города. У него оставалось всего девять человек. Уже несколько часов Козлов не имел связи с соседними частями. Начинало темнеть, когда вернулся сержант Мищенко, посланный в батальон для связи.

— Все отошли,—доложил он.—В штабе никого нет. Уходим за Дон.

Лейтенант, построив маленький отряд, огляделся по сторонам. Город спал. Отсюда, с высоты Безымянной, видны были улицы Ростова. На окраине поднимались мирные и

Уличные бои с немецкими захватчиками в Ростове-на-Дону

спокойные домики. В центре дома сливались в одну черную громаду, красиво и четко вырисовывающуюся на золотом от заката небе.

Отряд спустился вниз к городу, пересек улицу Энгельса и двинулся вниз к Дону, когда впереди раздался четкий солдатский стук шагов. Из-за поворота показался немецкий патруль. Прижимаясь к домам, товарищи скрылись в переулке. Здания сходились здесь тесно, как горное ущелье, отбрасывая густую, почти черную тень.

Лейтенант остановился около большого серого здания и, помедлив секунду, вместе с товарищами поднялся на второй этаж.

На лестничной площадке было совершенно темно. На стук ответили не сразу. Потом послышался испуганный шорох. После секундной паузы (кто-то прислушиваясь стоял за дверью) слабый, прерывающийся женский голос спросил:

— Кто это? Кто там?

— Командиры!—ответил Козлов.

Сразу загремела цепочка, дверь рывком отворилась, и лейтенант почувствовал, что его, обняв за плечи, втягивают внутрь.

— Свои! А мы-то думали... Значит свои.

Лейтенант и вслед за ним все остальные очутились в маленькой, тесной комнате. Хозяйка разворошила уголь в печи, и теплый красноватый свет залил помещение. Козлов посмотрел на товарищей. Они расположились на стульях, на полу, стояли прислонившись к стене, мокрые от снега, с обросшими, хмурыми, исхудалыми лицами. Теплота волнами разливалась по комнате. От нее слабело тело, мягче становились лица. Мысли тонули в огромной усталости этих последних тяжелых окопных дней.

— Значит свои? Значит в городе наши?—взволнованно спрашивала хозяйка.

Лейтенант резко тряхнул головой, разгоняя сон, и поднялся. Ему было очень тяжело найти слова, сказать то, что нужно было, этой родной и милой женщине.

— Так вот,—начал он наконец, хмуро глядя на огонь.—Мы-то остались здесь, а город не наш. Понимаете, немцы в городе.

Козлов собрал всю свою волю и поднял голову, посмотрел прямо в сразу осунувшееся, бесконечно усталое лицо хозяйки.

— Если скажете, мы, конечно, уйдем. С нами опасно. Мы ведь дешево жизни не продадим. Так что решайте. А то, может быть, сами уйдете к соседке?

Хозяйка, понурив голову, стояла около плиты. Потом не глядя она сделала несколько шагов вперед, точно слепая, нащупала лицо Козлова и очень легко, едва касаясь ладонями, погладила его.

— Что ж, оставайтесь... У меня такой же в армии. Отдыхайте. Отдыхайте,—повторила она тихо.

Так начинались эти длинные семь дней. Круглые сутки бойцы с винтовками стояли на часах у окон и дверей.

Ночью, а иногда засветло, по двое и трое, закутавшись поверх гимнастерок в плащ или шинель, выходили на улицу. На берегу Дона на льду рядом с убитыми находили винтовки, гранаты. Оружие собирали и несли к себе,—пускай оно не достанется врагу.

Город страшно изменился за эти дни. Немногие прохожие шли осторожно, сгорбившись, не глядя по сторонам. Как-то ночью зашли на окраину и впереди увидели странную тень. Это были повешенные. Четыре трупа висели на столбах.

Выглянула луна, стало видно далеко кругом—пустые улицы, замерзший Дон, залитый холодным серебряным светом, пустые дома, точно бесконечная вереница тюрем, между которыми ходят часовые.

Лейтенант вдруг почувствовал страшную тоску. Далеко ли свои? Удастся ли вырваться к ним?..

Ранним утром, закутавшись в черный непромокаемый плащ, лейтенант пошел в разведку на окраину города. Неожиданно сзади послышались быстрые мягкие шаги. Лейтенант обернулся и в двух шагах от себя увидел высокого человека с серым небритым лицом. Несколько секунд они молча стояли друг против друга.

— Вредить?—даже не сказал, а выдохнул человек с серым лицом.

Лейтенант молчал.

— Я за тобой следил,—задыхаясь говорил человек. Лейтенант бросился на врага. Но тот согнувшись быстро побежал по-заячьи, петляя между строениями. Лейтенант преследовал его не разбирая дороги, чувствуя только одно—надо догнать и убить эту погань. Пустырь кончился. Разбежавшиеся, спрятавшиеся в садочках строения перешли в незнакомую прямую, замощенную булыжником городскую улицу. На повороте у подъезда многоэтажного кирпичного здания лейтенант догнал, наконец, и схватил человека с серым лицом. Вокруг, немного поодаль, собиралась толпа. Люди стояли широким полукругом и молча, ничем не выражая своего отношения к борющимся, смотрели на происходящее. Лейтенант, собрав все силы, бросил врага на мостовую и выпрямился.

Из-за поворота, прямо на него, совсем близко, четко отбивая шаг, двигался немецкий отряд.

— Сюда! Сюда!—пронзительно кричал человек на земле.

Уйти было уже поздно. Тогда лейтенант повернулся к толпе и, взглянув в хмурые усталые лица, молча отвернул ворот плаща. Два лейтенантских кубика на командирской гимнастерке вдруг ярко, гордо и смело сверкнули на солнце. И сразу изменились, наполнились теплом лица людей стоявших кругом. Толпа мгновенно окружила лейтенанта. Человек, лежащий на земле, куда-то исчез. Чьи-то руки бережно подталкивали, направляли лейтенанта. Точно сама собой, в толпе образовалась узенькая тропка. Лейтенант очутился на большом проходном дворе. Не успел запомнить даже лиц людей, ради него рисковавших

жизнью. Но какое-то новое, гордое чувство наполняло сердце. Он всегда знал, а теперь почувствовал каждой каплей крови, каждой клеточкой тела: немецким фашистам не удастся покорить этот веселый и грозный, смелый и честный советский город.

Даже дети вели борьбу с оккупантами. На Ворошиловском проспекте, около угла Дмитриевской, несколько дней лежал труп убитого мальчика. Гитлеровцы не позволяли убирать его. По ночам ребята соседних дворов отгоняли от трупа собак, караулили тело маленького героя. Вот история убитого. Он подкрался к штабной машине, облил ее керосином и хотел поджечь, когда его схватили часовые. В ночь немецкого отступления ребята, фамилии которых неизвестны, изрезали шины штабной машины, дежурившей у подъезда штаба, помещавшегося в школе № 63. Немцам пришлось бросить машину. Еще несколько дней она стояла у школы—свидетель непримиримой ненависти к врагам, свидетель самоотверженного мужества советских ребят.

На углу Доломановского и Пушкинской находились немцы—большой, сильный отряд. Это было в день занятия ими Ростова. Группа ребят заметила, что к дому напротив подъехала машина и из нее вышли шофер и лейтенант. В то время как школьники отвлекали немцев, Костя Демин подошел к лейтенанту и тихо сказал ему:

— Товарищ командир, нужно уезжать, в нескольких шагах немцы.

Лейтенант посадил мальчика в машину и благополучно уехал.

Сейчас невозможно узнать фамилии тысяч людей, которые вели войну с оккупантами.

От Азова вдоль берега моря тянутся плавни—безлюдные, поросшие камышом, прорезанные многочисленными ериками места. Непривычный человек попадет сюда и никогда не выберется из этого странного, мертвого, однообразного леса камышей.

На квартировавшие в соседних селах немецкие части днем и ночью нападали смелые летучие отряды, скрывавшиеся в плавнях. Они бросали гранаты в немецкие штабы, брали пленных, оружие и снова скрывались в камышах.

Так Ростов и донское казачество боролись с оккупантами, платя кровью за кровь, мстя за тысячи убитых, замученных советских людей.

Жители возвращаются в родной город

III. РОСТОВ СОВЕТСКИЙ

Город зиял ранами. Под ногами жалобно скрипело битое стекло, дома стояли без окон и дверей. Жили без хлеба, без света, без воды. Однако Ростов стал восстанавливаться прямо на глазах и без каких-либо миллионных ассигнований. В эти дни город напоминал едва оправившегося после тяжелой болезни человека, который, точно заново, учится ходить. Каждый шаг, каждый глоток свежего морозного воздуха для него—радость.

Город оживал. На рассвете 30 ноября в районе Нахичевани над низеньким полуподвальным помещением мы увидели выведенную крупными буквами, красным карандашом на листе бумаги надпись: «Мастерская работает по-прежнему—производится чинка примусов». Почти одновременно открылась парикмахерская на Ворошиловском проспекте. Вывеской послужила половина простыни, на которой художник-самоучка изобразил пышную шевелюру и написал: «Завивка-перманент с гарантией на шесть месяцев». В парикмахерской сразу образовалась очередь.

Город чистился, мылся, принаряжался. Дни стояли морозные, солнечные, ясные. Дворники убрали сор. В очень многих домах окна были застеклены или забиты листами

крашеной фанеры. Улицы принимали спокойный вид. Обычная гуляющая ростовская толпа появлялась в предвечерние часы на проспекте Энгельса. Люди точно стремились вознаградить себя за семь тяжелых тюремных дней.

Новые черты появились в облике города. Ростовчане стали суровее, серьезнее, и каждый очень многое продумал для себя.

Общая ненависть к врагу, горе, коснувшееся почти каждой семьи, тяжелые испытания семи дней, как никогда, объединили население города. Это сказалось прежде всего на работе—в быстроте восстановления хозяйства и промышленности, в строительстве системы оборонительных укреплений.

Каждый день, даже каждый час приносил новое. На улице Энгельса, в разбитом киоске стали продавать нарзан. Холодно, продукт не по сезону, но очень приятно в первом советском ларьке, заплатив советскими деньгами, купить эту бутылку нарзана. Вслед за тем открылись десятки магазинов и столовых.

В пекарнях стали выпекать хлеб, и уже на вторые-третьи сутки эта проблема городской жизни была решена. Беспрерывно работали водопроводчики, восстанавливая водопровод. Условия были очень трудные, но надо было спешить, так как вода могла замерзнуть и разорвать трубы. Через несколько дней после изгнания немецких оккупантов водопроводчики дали воду, электрики—свет.

На вокзал пришел первый поезд из Москвы. Его встретили с удивлением и радостью—милого далекого гостя. Поезд привез пакеты с почтой и груды свежих московских газет. На почтамте стали принимать письма. Ростов давал о себе знать, списывался с родными и близкими. Вслед за тем восстановлена была телефонная и междугородная телеграфная связь.

Ростов горячо взялся за труд. На фабрике имени Розы Люксембург стали выпускать для армии миллионы папирос. На Н-ском и другом Н-ском заводах начали выпускать продукцию, тоже для армии. Тысячи жителей превращали город в крепость, тоже для обеспечения тыла армии.

Жизнь входила в нормальную колею. В помещении театра музыкальной комедии состоялся первый концерт. Было холодно, люди сидели в шубах. На занавеси висели соломинки,—в дни немецкой оккупации она была запрятана где-то в сарае. Но зал был переполнен, и каждый номер встречался бурей благодарных аплодисментов. Затем

открылся и постоянный театр, возобновила работу библиотека имени Максима Горького. В школах начались занятия. В восстановленном дворце пионеров соорудили даже елку для ребят.

То, что Ростов стал советским, сразу сказалось на жизни буквально всей области. В городе Шахтах пошел трамвай, открылись больницы во многих поселках и станицах. Шахтеры приступили к добыче угля.

Вот что происходило в городе Ростове-на-Дону в первые дни после 29 ноября 1941 года. Об оккупации говорили точно о давно прошедшем: «Это было тогда, когда в городе были немцы». Но о днях этих не забыли, о них нельзя было забыть. Люди восстанавливали прежний Ростов, и каждый помнил: если потребуется—отдать жизнь за советскую родину, ненавистный враг должен быть уничтожен и будет уничтожен.

Декабрь. Южный фронт.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ

I. ВЗЯТИЕ РОСТОВА . . . . . 3—10
1. Первый день 3
2. Бои за Ростов 6
II. СЕМЬ ДНЕЙ . . . . . 10—32
1. Кровавая неделя 10
2. «Немецкий порядок» 21
3. Город не сдается 27
III. РОСТОВ СОВЕТСКИЙ . . . . . 33—35

Редактор *Т. Каневская.*

Тираж 50000 экз. Подписано в печать 23 мая 1942 г. А 50977.
Заказ № 314. 2¼ п. л. 38 т. зн. в 1 п. листе.
Цена 50 коп.

3-я тип. «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига».
Москва, Краснопролетарская, 16.

50 коп.